

ОСОБЕННОСТИ ГЕРМАНСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ЭТОСА И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НЕМЦАМИ И АФРИКАНЦАМИ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ (1884–1914 гг.)

Работа представлена кафедрой Восточного регионоведения Института экономики, права и гуманитарных специальностей (г. Краснодар).

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Ю. Г. Смертин

Статья посвящена специфике германского колониализма, выражавшейся в напряженных отношениях между немецкими колониальными властями и поселенцами, с одной стороны, и африканским населением Юго-Западной Африки – с другой. Анализируются исторические и психологические особенности становления и развития немецкой *Kolonialpolitik*, ее отличие от колониальной политики других европейских стран. На основании анализа документов и трудов немецких авторов – участников описываемых событий, рассматриваются межрасовые и межличностные отношения колонизаторов и колонизованных африканцев.

The article is devoted to the specifics of the German Colonial Policy, well embodied in the tense relations between the German Colonial Authorities and Settlers from one side, and African population of the South-Western Africa from the other. The author analyzes the historical and psychological features of origination and development of German *Kolonialpolitik*, its difference from the Colonial policies of other European states. Based on the analysis of the documents and works by the German writers, participants of the described events, he considers interracial and interpersonal relations of the Colonizers and the Colonized Africans.

Германский колониализм по многим параметрам значительно отличался от колониальных институтов других европейских держав, которые, в свою очередь, имели собственные национальные особенности. Эти отличия выражались в разных системах управления, экономической и социальной политике, политическом и культурном строительстве и были обусловлены историческим развитием, религиозными особенностями, ментальностью стран-метрополий. Общеизвестно, что немцы были в целом самыми жесткими колонизаторами, что выразилось как в безжалостном подавлении разного рода антиколониальных выступлений местного населения, так и в колониальной повседневности. В наибольшей степени эти качества проявились в Германской Юго-Западной Африке.

Многие особенности немецкого колониального этоса объясняются тем, что Германия не имела такого длительного опыта в колонизации заморских земель, как Англия, Франция, Голландия, Испания и Пор-

тугалия. В этих странах к концу XIX в. уже имелся огромный опыт общения и совместного проживания с аборигенными народами и управления ими в разных частях мира, к этому времени европейцы давно прошли стадию «грубого» колониализма с его эксцессами. Поколения миссионеров и ученых гуманизировали общественное мнение метрополий, распространяя знания о культуре и институтах туземного населения. В Великобритании и Франции существовало мощное движение за отмену рабства. В Англии различные общества защиты прав аборигенов бдительно следили за тем, чтобы не допускались негуманные действия по отношению к местному населению в любой части империи. Одним из главных принципов английской колониальной политики стала обязанность британского правительства защищать туземные народы от эксплуатации со стороны европейских поселенцев и постепенно прививать им «цивилизованный» образ жизни. Еще в 1833 г. английский парламент официально заявлял:

«В качестве неоспоримого принципа мы признаем, что интересы туземных подданных имеют преимущество перед интересами европейцев, если они входят в противоречие»¹. Разумеется, происходили серьезные отходы от этого принципа, особенно когда управление колониями оказывалось в руках привилегированных компаний, но то, что он был сформулирован и в целом соблюдался, отрицать невозможно.

Германия, приступив к колонизации Юго-Западной Африки в середине 1880-х гг., не имела опыта в освоении заморских территорий. Она сама только незадолго до этого конституировалась как единое государство. В течение шестисот лет она была раздроблена на различные княжества, в отношениях между которыми существовала постоянная напряженность. Идея национального единства возникла только после победы над Францией в результате франко-прусской войны 1870–1871 гг., когда была создана Германская империя. Это был триумф проницательного канцлера О. Бисмарка: наконец Германия стала национальным государством и великой европейской державой. Но у нее не было колониальных амбиций, в руководстве существовало убеждение, что заморские владения являются бременем для государства. Бисмарк неоднократно повторял, что он «неколониальный человек». «Я не хочу колоний... Нашему флоту запрещено плавать, и мы не должны иметь уязвимых мест в других частях мира, которые могут оказаться добычей для Франции, если мы окажемся в состоянии войны с ней»². Свою главную задачу он выполнил – новый и высокий статус Германии был признан в Европе.

Но у молодых германских политиков был другой взгляд на проблему. В то время когда Германия стала национальным государством, другие европейские державы были мировыми империями, владевшими колониями по всему свету. В Германии было немало людей, которые считали, что их государство должно создать колониальную империю другого типа, отличную от

существующих. Самым выдающимся из них был историк и философ Генрих фон Трайтшке, который заявлял, что британская колониальная империя была «чистым обманом», который очень скоро окончится. В сравнении с немецким идеалом колониальной державы, в основе которого лежала идея абсолютного господства белой власти, английская идея свободы, многообразия и приоритета туземных интересов, казалась Трайтшке сентиментальной и слабой³. Германская «реальная политика» (Realpolitik) базировалась на жесткой власти, силе, единообразии и превосходстве. Эта политическая философия, широко одобряемая в Германии, легла в основу недолгой истории германской колонизации и отношений с африканским населением.

В 1880-х гг. Бисмарк предпринял первые осторожные шаги по созданию колониальной империи в Юго-Западной Африке, Камеруне, Того и Восточной Африке, сохраняя при этом соответствующую почтительность к Англии. С утверждением на троне Вильгельма II в 1888 г. сразу же наметился новый подход к колониальной проблеме, согласно которому Германия должна стать великой мировой державой и занять «место под солнцем», подобающее ее великому предназначению. В заморских колониях должна быть создана «новая Германия». Как заявлял Пауль Рорбах, один из архитекторов немецкой колониальной политики, варварское население Африки, будучи неполноценными людьми, должно считать привилегией возможность отдать свои земли Германии⁴. С этими идеями Германия начала строить свою колониальную империю.

В Европе не только Англия признавала приоритет интересов туземцев в колониях; этот принцип постепенно воспринимался другими колониальными державами. Впервые он был коллективно выражен на Берлинской конференции 1884–1885 гг., когда 14 государств в Генеральном акте взяли на себя обязательство «охранять туземные племена и заботиться об условиях их морального и материального благополучия, спо-

собствовать отмене рабства и особенно работорговли» в договорном бассейне р. Конго⁵. Правда, эта часть соглашения занимала не главное место среди других вопросов, обсуждавшихся на конференции, но очень важен тот факт, что она вошла в главный итоговый документ. Известно, что практические результаты этой декларации были невелики из-за отсутствия эффективных мер контроля. Воплотить эту и другие благородные идеи в жизнь не удалось, но Европа ясно определила свои нравственные ориентиры, и христианская мораль и общественное мнение играли в этом не последнюю роль.

Выступление на Берлинской конференции делегата от США Кэссона во многом определило дальнейшие методы колониальной экспансии. От лица Соединенных Штатов, не стремившихся к усилению своих соперников на международной арене, он настаивал на принятии принципа «обязательности свободного согласия местного населения, чья страна берется во владение, если оно не провоцирует агрессию»⁶. Конечно, эта норма была крайне двусмысленной, поскольку реальный агрессор всегда мог оправдать свои действия агрессивностью туземцев. Но принцип «свободного согласия» туземцев стал новым для международной политики, и такого согласия колонизирующие державы вынуждены были добиваться разными путями, в основном через подписание договоров с местными вождями.

Идеи европейского либерализма XIX в. никак не повлияли на германскую колониальную политику. Бисмарк согласился с запрещением работорговли, о чем специально говорилось в Генеральном акте Берлинской конференции. Под предлогом прекращения арабской работорговли Германия осуществила военное вторжение в Восточную Африку, хотя масштабы невольничьей торговли там в 1880-х гг. были незначительными. Этот и другие филантропические положения Берлинского акта в основном предназначались для внутреннего по-

требления и не повлияли на мышление отцов-основателей германского колониализма и высших колониальных чиновников. Германский экспансионистский национализм все более становился антилиберальным, он не ассоциировался с идеей общего прогресса или распространением просвещения и культуры среди «язычников и варваров». К тому же в Германии миссионерские общества не имели большого влияния на колониальные дела, от них ожидали поддержки официальной политики. Поэтому основополагающий принцип колониальной политики заключался в том, что захват и владение колониями имеют только одну цель – служить интересам и амбициям германского правящего класса.

Кроме чисто прагматичного подхода Бисмарка, на отношение немцев к колониям значительно повлияла философия Фридриха Ницше, исходившая из того, что все процессы как физической, так и духовной жизни представляют различные модификации действия «воли к власти», могуществу (*der Wille zur Macht*). Он полагал, что несправедливость, захват, подчинение, притеснение, эксплуатация являются глубинной характеристикой «жизни» как таковой. Его идеалом была абсолютная власть элиты, расы хозяев, над массами, т. е. расой рабов, обученных служить целям элиты. Эти идеи, распространявшиеся в 1880-х гг. и в последующие десятилетия, были враждебны демократии и либерализму.

Правовой статус, предоставленный африканцам в германских колониях, соответствовал расистским утверждениям об их «расовой неполноценности». Законы и указы, изданные для колоний, делали различие между европейцами и «туземцами». Основополагающий Колониальный закон (*Schutzgebietsgesetz*) 1900 г. провозглашал, что «туземцы» не могут быть гражданами Германии до тех пор, пока не пройдут натурализацию. Один из крупных специалистов по конституционному праву писал в 1909 г.: «Туземцы несомненно являются субъектами (*Untertanen*), но они не

граждане империи (Reichsangehörige). Они не имеют ни прав, ни обязанностей последних»⁷.

Параграф IX Колониального закона предусматривал возможность натурализации туземцев в качестве германских граждан. Но ни один африканец из колоний не был натурализован до начала Первой мировой войны, даже из тех немногих, которые долгое время жили в Германии. Только нескольким человекам, родившимся от смешанных браков, было предоставлено германское гражданство. Как заявлял в рейхстаге в 1913 г. представитель Министерства внутренних дел, причина этого была в том, что «чистокровные туземцы» не соответствовали «образовательному, экономическому и моральному стандартам, которые могли бы поставить их на один уровень с немцами»⁸.

Для африканцев в колониях была выработана специальная система отправления правосудия. Они подчинялись указам рейхсканцлера и декретам и инструкциям губернатора колонии. Ими руководствовались немецкие колониальные чиновники, выступавшие в качестве судей. Только немногие из них были профессиональными юристами и единицы знали африканские языки и обычаи. Одновременно африканцы подчинялись «Туземному праву» (Eingeborenenrecht), которое интерпретировали и отправляли подчиненные колониальным властям вожди. Приговоры по преступлениям, попадавшим под юрисдикцию туземных судов, не могли пересматриваться по апелляции осужденного судами высшей инстанции в Германии, только министерство колоний могло отменить приговор и назначить повторное слушание.

После жестокого подавления восстаний нама и гереро в Юго-Западной Африке в 1907 г.⁹ германскими властями были приняты «меры по контролю над туземцами», изложенные в указе, по которому им запрещалось приобретать землю и владеть верховыми лошадьми, а также большими стадами. Им также приказывалось иметь

при себе специальные пропуска и запрещалось передвигаться по колонии, не имея средств к существованию, что наказывалось как бродяжничество. Целью этого указа, а также императорского указа 1896 г. «об уголовном преследовании и наказаниях туземцев Юго-Западной Африки» было заставить туземца стать слугой белого человека. Законодательно вводилась практика, по которой африканец должен был обязательно иметь белого хозяина, который обладал почти неограниченной властью над ним. 17-я статья указа гласила: «Туземцы, нанятые слугами или работающие по контракту, по заявлению своих хозяев или нанимателей могут быть, в качестве дисциплинарной меры, заключены в тюрьму любым должностным лицом, на которого возложено осуществление уголовных наказаний, таких как порка, в сочетании с содержанием в кандалах, или только тюремное заключение в кандалах на период не более 14 дней, за следующие преступления: постоянное игнорирование обязанностей и безделье, неповиновение или недозволенный уход со своего места службы или работы...»¹⁰.

Примечательно, что судебное разбирательство не предусматривалось вовсе, заявления хозяина было достаточно для наказания. Африканец не имел возможности опровергнуть обвинение хозяина, за попытки оправдаться он мог получить несколько дополнительных ударов плетью за наглость предполагать, что белый человек может говорить неправду. Если же слуга искал справедливости в суде, жалуясь на действия своего хозяина, то была очень велика опасность, что это не удастся доказать, так как его слово ничего не стоило по сравнению со словом хозяина. Поэтому он мог быть признан виновным в «оставлении места своей службы» или в подаче «пустой жалобы», за что следовали суровые наказания.

Но для слуги инцидент не заканчивался возвращением к хозяину, который считал, что единственный способ заставить «ниггера» работать – это избивать его. Суще-

ствовавший в Германии обычай, дававший хозяину «право отеческого исправления» слуги, превратился в германских колониях в нечто совершенно отличное от исходного варианта, который предполагал, что работодатель не обязательно должен привлекать непокорного слугу к суду. Вместо этого хозяину разрешалось назначать младшим слугам такие же телесные наказания, какие он мог применять к своим детям. В колониях этим правом массово злоупотребляли. Только в случае, если африканец был забит до смерти, против хозяина могли применяться санкции. Германское право, конечно, не предполагало доведение до убийства «отеческим исправлением», но туземцам были неизвестны эти юридические тонкости.

Документальных свидетельств таких эксцессов не так много, поскольку жестокие хозяева редко наказывались в судебном порядке, да и судебные протоколы обычно не публиковались. Сами туземцы, пострадавшие от таких наказаний, предпочитали не высказывать открыто недовольство, опасаясь полицейского преследования. Только после свержения германской власти в результате вторжения южно-африканских войск в 1915 г. были открыты официальные документы, а африканцы смогли свободно говорить о своем опыте общения с немецкими хозяевами. В результате на свет появился «Доклад о туземцах Юго-Западной Африки и отношении к ним Германии»¹¹, подготовленный административным отделом в Виндхуке и опубликованный в качестве «Голубой книги» английского правительства в августе 1918 г. Этот 212-страничный доклад был яростно осужден германскими властями как тенденциозный и полностью лживый, представляющий собой вульгарную пропаганду, затеянную с целью не допустить возвращения колонии Германии после окончания мировой войны. Возможно, что некоторые части «Голубой книги» носят тенденциозный и лицемерный характер, особенно в тех случаях, когда отношение к аборигенам Юго-Западной

Африки сравнивается с положением африканцев в британских колониях. Однако значительные куски «Голубой книги» представляют собой дословный перевод немецких авторов и германских официальных документов, захваченных в 1915 г., и эти факты должны приниматься в расчет.

Так, в «Голубой книге» содержится детальный отчет Германского верховного суда, заседавшего в Виндхуке в 1913 г., об одном из случаев зверского «отеческого исправления»¹². В нем говорится, что осужденный Людвиг Крамер жестоко избил кнутами туземца, который 12 лет безупречно служил своему хозяину, и его беременную жену, посчитав их ответственными за падеж овцы. Избиения продолжились на следующий день, в результате чего женщина родила мертвого ребенка. По подозрению в отравлении хозяина несколько женщин-служанок были подвергнуты бичеванию, причем две из них были избиты так зверски, что у них сошла вся кожа на спинах, и они вскоре умерли в больнице. В «Голубой книге» есть фотографии спин этих несчастных, сделанных немецким врачом.

Суд согласился с медицинской экспертизой, гласившей, что «осужденный осуществлял дурное обращение, продолжавшееся несколько дней, будучи в нормальном рассудке и проявляя свободную волю. В расследуемом случае в его поведении наблюдается совершенно ясная и логическая последовательность»¹³.

Учитывая вину подсудимого, суд нашел смягчающие обстоятельства в факте, что он «соединяет в себе нормальный рассудок с поразительным недостатком беспристрастного мышления. То, во что он верит, для него является объективной правдой, и он присвоил себе право пытаться своих туземцев до тех пор, пока они не признают его правоту. Он и сейчас настаивает на этом...»¹⁴.

Согласно «Голубой книге», в вопросе смягчающих обстоятельств суд достиг предела демагогии: «Было подчеркнуто, что заявления об отравлении не имели под со-

бой никакой почвы, что осужденный был умственно нормальным человеком, но не мог делать правильные выводы из очевидных фактов, что он постоянно плохо обращался со своими туземцами, не имея для этого оснований, что его дочь, которая выполняла функции переводчика, знала их язык настолько плохо, что однажды неверный перевод привел к избиению несчастного туземца... что он полностью психически нормален, но склонен к самообману, что его поведение было хуже, чем поведение работоторговца, но главное, что он страдал безграничным самомнением»¹⁵. Все это было принято судом во внимание для смягчения приговора. Окружной суд обвинил Крамера виновным по восьми пунктам обвинения и приговорил его к 27 месяцам тюремного заключения. Верховный суд сократил этот срок до четырех месяцев с уплатой штрафа в 2,7 тыс. марок. Администрация колонии лишила его права использовать наемный труд на своей ферме¹⁶.

Случай с Крамером, возможно, был исключительным по жестокости, но он не был единственным, что явствует из различных официальных документов. В циркулярном письме от 12 января 1900 г. колониальный отдел Министерства иностранных дел указывал немецким губернаторам колоний на недопустимость многочисленных и суровых телесных наказаний, налагаемых судами. В нем указывалось, что аборигенов надо учить ценить блага труда и цивилизации скорее убеждением и образованием, чем телесными наказаниями, и заявлялось, что, по мнению рейхстага и общественности, телесные наказания выставляют германский колониализм в плохом свете¹⁷.

В 1907 г. колониальный отдел был преобразован в министерство. Новый министр по делам колоний д-р Бернгард Дернабург немедленно взялся за реабилитацию колониальной системы. Одним из его первых шагов стала рассылка письма всем губернаторам, в котором утверждалось, что общественное мнение в Германии возбуждено жестоким использованием телесных на-

казаний в колониях, и предлагалось высказать свои соображения по созданию такой системы, при которой телесное наказание применялось бы только в случае самых тяжких преступлений¹⁸.

Реформы Дернабурга были шагом вперед, но они, видимо, не имели решающих последствий. В 1909 г., т. е. через два года, он опять призывал губернаторов применять телесные наказания только в крайних случаях¹⁹. То, что директивы из Берлина в целом не имели большого эффекта, показывают и свидетельства некоторых служащих, пытавшихся улучшить положение дел на местах, в частности, в докладе должностного лица в Людереце, надзирающего за месторождениями алмазов. В 1913 г. он сообщал правительству в Виндхукке: «Суды совершенно бесполезны. Можно изредка получить признание виновности (белого преступника) и денежный штраф в суде первой инстанции. За этим следует немедленная апелляция. Дело слушается главным судьей, который не знает условий алмазных месторождений... Осужденный хорошо осведомлен, как вести свою защиту; туземцам не верят, в то время как самые сомнительные показания европейцев полностью принимаются на веру, поскольку они даны под присягой. Естественно, дело завершается блестящим решением: “Не виновен”»²⁰.

Возможно, самым ясным и самым беспристрастным свидетельством состояния отношений между поселенцами и местным населением в последний период германской оккупации является официальное (секретное) письмо губернатора ЮЗА от 12 мая 1912 г. по поводу плохого отношения к туземцам, направленное всем должностным лицам колонии. В нем, в частности, говорилось: «...чувство отчаяния становится преобладающим среди туземцев... Причина этого очевидна для всех. Она в чрезмерной жестокости европейцев в отношении туземцев, которая нарастает до опасной степени... и в том, что такая агрессивная позиция не находит реакции со стороны судов. Соответственно туземцы теряют

надежду на справедливость нашего правосудия, и это вызывает у них слепую ненависть ко всему, что связано с белым человеком. В конечном результате они прибегают к самоизоляции, что является своеобразной формой восстания. Совершенно очевидно, что такое чувство ненависти у туземцев, если их положение не будет энергично изменено, должно привести вскоре к новому отчаянному восстанию. Таким образом, в интересах всего европейского населения нужно сделать так, чтобы люди, проявляющие безумную жесткость в отношении туземцев и считающие, что их белая кожа освобождает от наказания за самые отвратительные преступления, были обезврежены всеми возможными способами...

У меня нет влияния на правосудие в такой степени, как это предполагают европейцы, но я предприму административные меры, чтобы противодействовать существующим, несомненно, критическим условиям. Кроме всего прочего, я собираюсь издать

указ... по которому тем европейцам, которые упорствуют в дурном обращении со своими туземными слугами и проявляют жестокость, не будет позволено использовать туземный труд... Я верю, что с помощью европейского населения будет возможно создать условия, которые восстановят в туземцах доверие, что они найдут защиту со стороны европейцев от жестокостей нескольких личностей»²¹.

Однако эти идеи так и остались благими пожеланиями, поскольку дело было не в отдельных жестоких людях, а в системе отношений с местным населением, сложившейся в значительной степени под влиянием совокупности моральных императивов, принятых в германском обществе в конце XIX – начале XX в. В отношении колониальных народов их можно назвать патерналистским расизмом, который доминировал в общественном мнении белых колонизаторов Африки; в какой-то степени он проявился в эксцессах нацистской политики в годы Второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цит. по: *Ramsay M.* The Expansion of Europe. L., 1926. P. 12.
- ² German's Claim for Colonies. Information Department Paper No. 23. L., 1938.
- ³ *Trietschke H. von.* Zehn Jahre Deutscher Kampfe. 1865–1879. Schriften zur Tagespolitik. Bnd. I. Berlin, 1879. S. 68–73.
- ⁴ *Rohrbach P.* Deutsche Kolonialwirtschaft. Bnd. I. Sudwest-Afrika. Berlin, 1907. S. VIII.
- ⁵ General Act of the Conference of Berlin (1885) // Colonial Rule in Africa. Readings from Primary Sources. Ed. by V. Fetter. Madison, 1979. P. 37.
- ⁶ Цит. по: *Snow A. N.* The Question of Aborigines in the Law and Practice of Nations. Putnam, 1921. P. 251–252.
- ⁷ Цит. по: *Stoecker H.* The Position of Africans in the German Colonies // Germans in Tropics. Essays in German Colonial History. Ed. by A.J. Kroll and L.H. Gann. N.Y., 1987. P. 121.
- ⁸ Ibid. P. 121.
- ⁹ *Фокин С. В.* «Дранг нах Африка»: колониальная политика Германии (конец XIX – 30-е годы XX в.). М., 2003. С. 39–40.
- ¹⁰ Цит. по: *Wellington J.* South West Africa and its Human Issues. Oxford, 1967. P. 230.
- ¹¹ Report on Natives of South-West Africa and their Treatment by Germany. Prepared in the Administration's Office. Windhuk, South-West Africa, January 1918. L., 1918.
- ¹² Ibid. P. 165–181.
- ¹³ Ibid. P. 179.
- ¹⁴ Ibid. P. 180.
- ¹⁵ Ibid. P. 181.
- ¹⁶ Ibid. P. 181.
- ¹⁷ Цит. по: *Snow A. N.* Op. cit. P. 168.
- ¹⁸ Ibid. P. 169.
- ¹⁹ *Wellington J.* Op. cit. P. 234.
- ²⁰ Report on Natives of South-West Africa. P. 162.
- ²¹ Ibid. P. 120–121.